

ОЛЬГА НИКИТИНАЖурналист, ведущая рубрики РМ
С.-Петербург

СТОЯНИЕ НИКОЛЫ ПОЛИССКОГО НА УГРЕ

Виды красивой излучины реки Угры сегодня заполнили Интернет благодаря лэнд-арту Полисского. До него здесь тоже была жизнь и подзабытая новым поколением история, похожая на утренний туман: на восходе гуще, к полудню ни следа. Спокойная жизнь. Образы её перемещаются в воздушных потоках над рекой, отражаются в глади воды и оседают после дождя на окрестные поля и леса. Да всякому ли дано увидеть?

Угра — ландшафтный заповедник, национальный парк, основанный в 1997 году. Территория его пересекает всю Калужскую область, включая пространства левых притоков Оки — Угры, Жиздры и Выссы. Всё вместе — около двухсот километров. А ландшафты тут безусловно хороши: и крестьянский сельский, и усадебный помещичий дворянский, и монастырский, и ландшафт уездного города.

Однако все ехали мимо или вообще сюда не заезжали, пока Николе Полисскому (я его так специально называю, чтобы окончательно сроднить с Николой-Ленинцем) не надоело писать пейзажи, а захотелось вписаться в пейзаж арт-сооружением, которое не отторгнет природа этих мест.

— Сначала я просто рисовал виды Угры. Красота этого места потрясла меня. Потом была выставка «Двадцать видов реки Угры», потом я понял, что знаю этот пейзаж до мелочей, что ограничиваю себя в возможностях, в широте видения. Мне захотелось начать своё пейзажное строительство. Не сделать лучше — куда уж тут лучше! — а войти, так сказать, со своими предложениями. Но они должны быть умными, осознанными и без тени гордыни. Тех, кому этот процесс покажется интересным, — сделать соучастниками. А главное — мне самому хотелось всё это увидеть: я по натуре созерцатель, я должен видеть, как рождается пейзаж, к которому руки приложил.

Впервые он «приложил руки» в феврале 2000 года, когда позвал на берег всех крестьян деревни Никола-Ленивец и с ними вместе (сам — бесплатно, им — по десять рублей за снежную голову) сделал двести двадцать снеговиков, которые взбирались вверх по склону от замёрзшей Угры и шли в сторону деревни. Лепили снеговиков — как в игру играли, веселье стояло до небес, но когда всё было закончено, снежное шествие на миг дохнуло скрытой угрозой. Будто в перемещающемся пространстве над Угрой именно в это время открылась память об осени 1480 года, ставшей «Великим стоянием на Угре» — финалом многовековой борьбы Московского княжества и Большой Орды. Всё прошло, но разве навсегда? Приходит художник, лепит смешных безобидных снеговиков — и приоткрываются слои времени. Не полностью, конечно, лишь намёком. И каким — вот что важно...

Если обратиться к имени деревни, то с Николаем, предположим, не всё, но понятно: в центре деревни храм Николая Чудотворца (1802). А с Ленивецем? Как сочетается «великое стояние» и Ленивец? Так же, как «русский долго запрягает, да быстро ездит»? Почти что. Но тут ещё и разлитое море легенд. И чтобы в нём не утонуть, обратимся к тексту «Казанской истории», где рассказывается, как государь Иван III отказался платить дань. Ханские послы, прибывшие с «парсуною базмою», просят дани и оброков «за прошлые лета» (два года Русь не платит, а по Карамзину — и все десять). Иван же, «ни мало убоясь страха царёва», берёт «базму парсуну лица его», плюёт на неё, затем «ломает», бросает на землю и топчет ногами. Визитёров велит казнить — всех, кроме одного. Помилованный должен рассказать о случившемся своему хану, а государь станет тем временем готовится к решительному бою. Это был вызов стотысячной, а то и двухсоттысячной армии хана Ахмата. И не только ей: тут и недружественная Литва выжидает своего часа, и крымские ханы ещё не определились. А Ивану на Москве ещё с близкими надо примириться и договориться. А бояре уговаривают Ивана «не биться с государем» (с Ахматом), пойти на переговоры, согласиться на новую необременительную дань Орде — слишком военное счастье обманчиво. Но история уже повернула своё колесо, и против многочисленной ордынской конницы ещё в битве под Москвой мощно вздыбились первые стволы русской артиллерии. А ко времени стояния на Угре у русских была не только крепостная, но и полевая артиллерия.

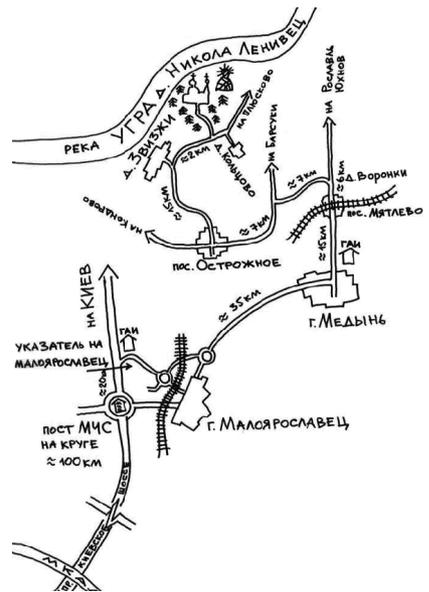

Схема проезда к деревне Никола-Ленивец

Хан Ахмат прибыл на Угру заранее, его отряды занимались разведкой, грабежом, захватом живой добычи. Случались небольшие перестрелки противных сторон. Хан угрожал русским скорой и поголовной смертью, как только наступит зима и «все реки станут, ино много дорог будет на Русь». И всё же это было длинное и «ленивое» стояние на Угре: русские не начинали сражения, но и ордынцам воли никакой не давали; ордынцы откармливали на привольных лугах своих коней и требовали к себе «неверного улусника» Ивана; Иван выслушивал уговоры не воевать с Ахматом от своих «злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских»; ордынцы, не желавшие вновь попасть под удары страшных русских ядер, жалились своему хану «бяху бо татары наги и боси, ободрался». А когда русские решились отойти на лучшие позиции, а ордынцы, посчитав этот манёвр началом наступления, поспешно отступили, — в этот момент и родился миф о том, что обе армии бежали друг от друга. «Громкокипящей» битвы, как на реке Непрядве, не случилось, но было добыто бескровное и потому светлое одоление хана Ахмата, что привело к концу татаро-монгольского владычества над Русью.

Деревня Никола приобрела тогда вторую часть имени — Ленивец. Возможно, что и не тогда, а раньше — когда наскочили половцы или когда литовцы встали у реки...

Но спустя 520 лет реку Угру «форсировали» круглоголовые снежные воины Николы Полисского с вёдрами-шлемами на головах, с морковками-носами, угольками-пуговками-глазами, смешные и неторопливые. А по весне растаяли и «бескровно» стекли в Угру — и которой из двух грозных армий они были, никто и не задумывался. Снеговики не прототипы, это пересказ слуха о битве «своими словами» людей, живущих на расстоянии 520 лет от неё.

— Для меня очень важно, что я здесь совершаю совместное действие с крестьянами. Они мне помогают, и я стараюсь помогать им в их жизни, когда могу. Мы живём бок о бок на этой территории. Они все меня знают, я их узнаю всё больше после возведения очередного объекта. Они не просто помощники, каждый из них отдаёт делу часть жизни. Поэтому смысл моей деятельности должен обрести некую высоту ответственности: к примеру, создать здесь художественный промысел, чтобы он остался на века — как продолжение творческого существования, так и источник дохода. И тут главное не обучить чему-то, а побудить к действию, что является своего рода культурной технологией реанимации села. Всё, что делается здесь и сейчас, не исключаящее их участия, чего они сами от себя не ожидали никогда, открывает им глаза на творческий процесс. Они понимают: в природе каждый — художник, если он берёт природу в соавторы. А кто более крестьянина в этом специалист?

Природу в соавторы или в соавторы к природе — так и так замах дерзновенный. Но присутствие в этой связке крестьянина как исконного проводника, изначального ремесленника с незамысловатыми своими горшками, укладом обыденной жизни торящего тропу высокому искусству, — и есть безусловное основание. Поначалу в артели было двадцать человек, и исполняли они только объекты Николая Полисского. В 2006 году начался ежегодный фестиваль «Архстояние», и артель Полисского уже вполне профессионально приступила к сооружению объектов известных архитекторов, имена которых широко известны. Но простых деревенских жителей уже не пугали громкие имена. Введённые Полисским в суть творческого процесса, они «познали и приняли» такое искусство. Оно не вступало в противоречие с привычной их жизнью, не разрушало векового вида из окна сто лет стоящей избы, но обещало в недалёком будущем сделать Николу-Ленивца крестьянской общиной, промышленной современной искусством, известной не только в нашей стране, но и за её рубежами.

Про Полисского говорят, «что никому в мире ещё не приходило в голову скрестить концептуализм с народными промыслами», что он — «верстовой столб русского лэнд-арта». Ведущие русские архитекторы ездят к Николаю Полисскому и пытаются создавать созвучные инсталляции. Сам Полисский сосредоточен на «некоем повторении места и материала места» и считает свои удачные работы «позитивом нормального невероятно креативного подхода», мечтает о том, что когда-то будут строить дома так же, как его башни, не ранившие землю.

— Сейчас на Западе лэнд-арт за редким исключением выродился в дизайн. Чтобы продолжать заниматься собственно лэнд-артом, нужно иметь какую-то внутреннюю мотивацию. Меня никогда не интересовало искусство ради искусства. Но вот то, что за этой землёй надо как-то ухаживать, сделать то, о чём сегодня и здесь мечтает земля, — в этом всё: и долг, и творчество. Это ещё и потрясающая мастерская для будущей архитектуры, здесь возможно самое смелое высказывание о том, какой она должна быть. А она должна быть такой, чтобы дух захватывало. Она должна идеально вписываться в ландшафт... Вот один художник во Франции взял кусок города под бетоном и хочет вернуть его природе. Всю эту человеческую депрессию убрать с земли и прорваться к природе. Сколько ему потребуется лет — никто не знает; увидит ли он сам, как сквозь асфальт проступит земля и покроется зелёной травой, — он и сам не знает. Но делает! У нас пока никто не собирается возвращать к жизни земли, погребённые под фабриками, заводами, асфальтом. А крестьянские поля, наоборот, отданы сорнякам. У нас много земли, в большинстве — израненной, дурно используемой.

Полиссский строит свои башни одну за одной, учась не ранить землю. Сенная башня, или зиккурат — одна из первых башен, — получила имя «Пищевая» (2000) Она была винтообразной формы, это сразу же вызвало вопросы: откуда вавилонские мотивы? Но Полисскому лучше не задавать вопросы метафизического свойства.

— Вот только не надо меня в облака тянуть, всё просто: я человек очень реальный. Пошёл снег — слепили из него снеговиков. Пришла весна, снеговики растаяли, выросла трава, скосили, получилось сено — собрали «сенную» башню: собственно, это же стог сена, только уложенный иначе. Сначала предполагалось поднять башню на десять метров. Хотелось сделать нечто значительное. Но такой огромный объём уложить возможно только при этой спиралевидной форме. Когда я разговаривал с умельцами стогования, они утверждали: можно поднять стог на четыре, максимум пять метров, да и то со стогометателем. Я настаивал: будем делать десять метров. И выяснилось, что если постепенно подниматься по пандусу этой винтообразной формы, то можно сметать очень высокий стог. Потом, правда, башня осела до семи метров — понятно, по естественным причинам: усушка.

Смотрим далее «реальные» башни Николы Полиссского.

В зиму 2001 года у деревни появился гигантский «Дровник» — огромная четырехступенчатая сужающаяся кверху поленница. «Дровник» своим видом напоминал оборонительную постройку, крепость, деревянный замок. Гигантская поленница стала «Энергетической» башней.

— Что касается дровника, или поленницы, то тут такая история. Деревенские оценивают своё благосостояние в том числе и по тому, сколько у них дров. Потому что когда крестьянин видит, что у него маленький дровник, его охватывает панический ужас: как зимовать-то, побираться что ли? А вид большого дровника вызывает у него, так сказать, чувство глубокого удовлетворения, уверенности в завтрашнем дне. Отсюда и такой большой объём деревянной башни.

В 2002 году появилась ещё одна «высотка» (27 метров) — «Телебашня», она же «Эйфелева», она же «Медиа-башня». Она будто бы повторяла радиобашню Шухова, но была похожа и на парижскую свою кузину.

— Башню сплели из молодого березняка, который в обилии вырос на здешних полях. А потом оказалось, что с неё было удобно звонить по телефону: в деревне мобильная связь ненадёжная, а с башни — отличная, таким образом, она своё назначение исполнила. Когда башня обветшала, лазить на неё стало опасно, встала проблема утилизации. Тогда и пришла идея её спалить. Это было фантастическое зрелище! Приехала масса народу, было где-то пятьсот машин, авто-

бусы! Башня горела красиво. В итоге получилось пафосно, поэтому мы решили продолжить. Конечно, каждый год делать что-то большее просто для сожжения дорого. Но если что-то само требует сожжения, как, к примеру, первая Сенная башня — сено начало преть от дождей, — что оставалось делать? — сожгли.

В 2004 году над Угрой появился «Маяк» — башня (18 метров), построенная без единого гвоздя за три месяца из стволов и сучьев деревьев, поеденных жучком-короедом. Поэтому при ближайшем рассмотрении можно обнаружить на них тончайший орнамент. Лестница из гладких стволов ведёт вверх, на смотровую площадку, устроенную в шаре, венчающем пирамиду. Блестящие металлические шипы, торчащие из шара, ясным утром сияют под лучами солнца — тогда башня и вправду начинает напоминать маяк.

Первой фестивальной башней стала «Градирня» (2006). Она вписана в «золотое сечение» открытого пространства и скрытого лесного. Это римейк такого инженерного сооружения как трубы ТЭЦ; все их знают, видели огромные бетонные ёмкости, торчащие среди любого большого города и уродующие его. Всякие попытки как-то облагородить сооружения делают их ещё уродливее.

— «Градирня», как назвали новую башню, не сразу получила имя. Нам необходимо было прорубить аллею, скопилось много тонкого материала. Не бросать же. Стали плести большую корзину просто

Николай Полисский — художник, основатель фестиваля «Архстояние», народный вождь

так, без каркаса, как природный объект — растёт себе и растёт. И так четыре года. На отметке семнадцать метров решили уже и заявить её как-то на одном фестивале, и вдруг — она начала падать! И тут мы поняли, что она хочет стать великой, так ведёт себя только великая башня. Мы решили ей помочь... Вот вы спросили, почему я говорю «мои крестьяне»: кто я — барин, что ли? Нет, моя функция другая, быть барином — это скучно, прошлый век, а я — народный вождь. Я должен сделать так, чтобы мы не пошли туда, где нет успеха. А это значит — прийти вовремя и направить процесс в правильное русло. Иначе — какой я вождь... Ну так вот: смотрю я на падающую великую башню и понимаю, что надо ставить контрфорсы. Это настолько изменило и улучшило её образ, «Градирня» стала невероятно красивой, какой-то решительно энергичной. Я её просто полюбил. А когда приехали французские ландшафтники, они именно к ней привязали центральную аллею. «Градирня» ещё и сама видоизменяется. Я люблю пожившие вещи, имеющие историю, биографию, они безумно интересны...

Она его «измучила», рассказывает Никола Полисский, отобрала кучу денег и времени, но он её полюбил. «Гиперболоидная градирня» красиво и безвредно дымит и светится в перформансах на Угре. Она экологически чиста. Чем закончится эта любовь? Как и все прежние — сожжением на Масленицу, как только Полисский заметит, что «Градирня» прожила свой век.

А всё-таки почему «Градирня» не сразу стала объектом его любви? Да потому что он был всецело занят другим — «Границей Империи». В 2007 году встала среди поля Колонная улица длиной около двухсот метров, на которой высилось 54 трёхметровых столба-тотема, отмеряющих вёрсты безбрежного материального и в то же время умозрительного пространства. На столбах и поперечных балках располагались деревянные двуглавые орлы, подозрительно похожие на ворон. Эту монументальную эпическую инсталляцию приехал посмотреть и поддержать голландский мастер средового дизайна Адриан Гезе. И тоже включился в творческий процесс. Но если Полисский размахнулся со своим пространственным творением на громадном поле, то голландец скромно уместил свой дом из шишек на маленьком клочке земли размером 10 на 15 метров.

— «Границы Империи» вызвали всякие и многие толки. Кому-то инсталляция кажется жуткой, кто-то видит в этом попытки раздела или захвата чужой территории. Но я привык к тому, что мои объекты как только рождаются, так сразу начинают обрастать биографией. Иногда случается увидеть группу людей с экскурсоводом, подойдёшь, послушаешь — и глаза на лоб: что несёт?! А потом думаешь: так и пускай несёт! Она ТАК ВИДИТ! И люди ей верят и тоже ТАК ВИДЯТ, им интересно, у них глаза горят. Это же прекрасно.

А я, конечно, могу добавить, что меня привлекают разновекторные траектории, как в пространстве, так и во времени. Что вперёд, что назад — одинаково интересно. Что я не вижу противоречия между археологией и футурологией, и что реализовано такое сознание вот тут в «Границах Империи»: двуглавые орлы уставились по разным сторонам. Да и сам рубеж — променад в чистом поле: стоят столбы и ничего не разделяют. Потому я и иду напрямки, моя граница проходит посередине поля. Я люблю имперское тираническое искусство, имитирую его пафосность на улице, на площади, в чистом поле. И мне превыше всего ценно, что народ вышел на потребление такого искусства. А каждый экскурсовод может, не боясь ошибиться, тут же, в поле сотворить биографию сооружения, от которой я могу временно дар речи потерять...

Вот тут, раз пошла речь об орлах и воронах, тема орнитологии вполне может быть продолжена одним из самых чудесных проектов артели «Никола-Ленивецкие промыслы» — «Грачи прилетели». Всё на тот же красивейший спуск к излучине реки Угры «присела» в 2008 году стая удивительных деревянных грачей — возникла мизансцена саврасовской картины. Грачи передохнули на Угре и «улетели» в Майами, где они с комфортом провели зиму в музее частных коллекций.

Теперь к фауне. На этот же спуск «выходило» стадо оленей. Когда с реки напал туман, то казалось, что они движутся, переходят с места на место. Первая партия оленей, исполненных в манере резьбы бензопилой по дереву, теперь стоит в отеле Royal Monceau. Филиппу Старку, который делал обновление и редизайн отеля, понравилась «стоеросовая» арт-инсталляция с берега Угры.

Но самая мощная, самая незавершённая и, на мой взгляд, родившаяся не для финала, а для изумления и желания бесконечного продолжения — это лихо закрученный гигантский объект «Вселенский разум».

— Это большая игра. Он должен играть, жить, пульсировать, источать энергию. Он уже живёт. Это идея, которую не просчитать, но делать надо. Сейчас объект слишком подробный, в нём много мелких деталей, хотелось всё попробовать, всем его насытить. Почти сразу пришла идея со светом, он должен играть светом, постоянно мерцать. Тут хорошо работают зеркала «ослепительной машины», они оживляют большую скульптуру. Вообще идей много, но вначале надо навести порядок в ландшафте.

«Вразумившиеся» или «вразумлённые», то есть увидевшие и изумлённые экскурсоводы, групповые и одиночные посетители, интернет-блогеры, дромоманы перехожие, которым всё равно куда ходить, лишь бы идти, — легенды слагают о Разуме, возникшем на берегу Угры. С каждым из них Разум ведёт свою игру и рождает свой образ, легенду, имя. Вот уже столбы-

Вид на архобъекты Полисского сверху

ных машин Леонардо да Винчи. Полисский — большой почитатель Леонардо и почитатель Франции.

Что дальше, чем всё же сердце успокоится? Только новым объектом, который и готовится показать Николай Полисский этим летом на Угре. От любви до поступков — всего лишь шаг, и он делается: мы увидим на Угре центр Жоржа Помпиду. Это будет экологический чистый, безвредный арт-объект — и конечно же, башня. «Внешний вид здания (яркий, словно „вывернутый наизнанку“ трубами наружу — часто детям он напоминает конструктор), вечно обитающие рядом с ним весёлые уличные музыканты и „пожиратели огня“ и второе, смешное, „простонародное“ название центра „Бобур“ не могут оставить равнодушными», — так пишут о нём французы. И становится понятным, почему именно его Полисский переносит на свой берег.

— По внутренней лестнице (нашему парку нужна такая лестница и такая площадка) можно будет зайти наверх и обозреть всё содеянное ранее. Снаружи это будет выглядеть так: двенадцать длинных труб из арматуры, соединённые вместе по типу корзины, оплетённые лозой. Мы продолжаем делать похожие бренды, Эйфелева башня уже была, понемногу приватизируем, повторяем некий элемент и заявляем о себе. Французы нас уже давно признали и полюбили, а это признание и есть сигнал того, что наше никола-ленивецкое искусство вполне себе конвертируется...

На этом пока закончим. Биографию художника, «народного вождя» Николая Полисского и всё о нём можно прочесть тут: www.polissky.ru, — и на сотнях других сетевых страниц. А мне остаётся поблагодарить его за приятное общение, за прекрасные фотографии, которые он предоставил нашему альманаху.

В подготовке материала частично использованы интернет-публикации, указанные на сайте: <http://www.polissky.ru>.

тотемы становятся «всеобщей морфологией сказки», некоторые башни — сделанными из «чешуи дракона», часть Разума именуется сложным именем «Иверни-выверни, умный Игрень». Мне показалось, что некоторые деревянные объекты — будто бы воспоминания о той самой полевой русской артиллерии, которую убоялись хвалёные ордынские лучники. А Полисский утверждает, что это варианты деревян-